

Лев Семёнович Сосновский (1886 – 1937)

Тяжелые дни Волховстроя

Собственно говоря, легких дней у Волховстроя и не было. Но сейчас я хочу рассказать о наиболее тяжелых днях строительства. И, к сожалению, не могу поручиться, что впредь не встретятся еще более тяжелые дни.

У каждого хорошего дела врагов бывает много. У Волховстроя врагов сверх нормы. Перечислять их не буду. Но вреднее всего те враги, которые не признают себя врагами, а, наоборот, маскируются друзьями.

Лично мне Волховстрой открыл глаза на один мучительный вопрос: в какой мере властен над волей коммунистической партии бюрократический механизм нашего государства. Увы, сила бюрократического механизма чудовищно велика. И горше всего то, что во враждебной нам механике бюрократии далеко не последнюю роль играют и коммунисты, занимающие ведомственные посты. Глупо валить все на одних спецов, примазывавшихся буржуев и т.п. Наши ребята тоже хороши.

Скажу прямо, как это ни горько. Когда Волховстрой будет достроен и даст энергию Питеру, я скажу:

– Это – чудо!!!

Ибо Волховстрой будет достроен вопреки стараниям почти всего государственного аппарата сорвать строительство. Волховстрой – это многосторонний наш экзамен. Экзамен нашей интеллигенции. Экзамен коммунистической партии. Экзамен государственному аппарату. Экзамен профсоюзам.

По вопросу же, который так мучил тов. Ленина, – об улучшении государственного аппарата, – история Волховстроя дает печальный ответ. Речь идет о том, насколько удастся нам спасти наши начинания из-под губительного действия бюрократии, а вовсе не о том, насколько мы подчиним себе бюрократию.

Люди, как будто настроенные очень благожелательно, перебрасывают, точно футбольный мяч, этот злосчастный Волховстрой. Еще комиссия, еще обследование, еще ревизия, еще согласование, еще пересмотр, еще экспертиза, еще авторитетная экспертиза. И вдруг неожиданный, оглушительный удар по голове: новый пересмотр сметы.

Сегодня 5 декабря. Любой чиновник Наркомфина знает, какого числа и сколько именно получит в декабре он жалованья. А Волховстрой 5 декабря еще не знает, сколько и когда будет отпущено ему на декабрь. И при этих условиях надо круглые сутки вести бешеным темпом работы на бешеной реке. Надо согласовать заготовки материалов, постройки, заграничные заказы, расплату с рабочими, с трестами.

Вот вам и плановое хозяйство! А Госплан вырабатывает план промышленного строительства на 5 лет вперед. Тут громаднейшее строительство не знает за две недели, получит ли оно деньги, в какой срок и сколько. И это несмотря на горячее сочувствие всех питерских организаций, несмотря на упорную волю ВЦИК, несмотря на мощное покровительство Ильича.

Ну, разве не чудом будет завершение работы на Волхове?

Часть руководителей ВСНХ – против строительства. Наркомфин – тоже.

Главное управление государственных сооружений – тоже. Электрострой – тоже.

С Внешторгом скандалов было предостаточно. О менее влиятельных и говорить нечего.

Руководители строительства работают точно на минированной площади, которая может вдруг от взрыва расступиться и поглотить их вместе со всеми работами.

Когда работа будет закончена, на торжестве будут произноситься праздничные речи, появится много именинников из числа тех, кто ныне гробокопательствует. А когда гости разъедутся, иллюминация погаснет, инженер Графтио соберет вокруг себя ближайших сотрудников, все оглядят друг друга с ног до головы. – Неужто это мы? И все живы? И с ума не сошли? И в Волхов с плотины не бросились? И в тюрьму не попали? И станцию построили? Вот чудеса, братцы!.. Прямо тысяча и одна ночь!

Тогда Гастев прикажет своим спецам изучить досконально этих диковинных строителей при помощи всех точных инструментов психофизиологической своей лаборатории.

А пока что тянутся тяжелые будни. На Волхове свыше 10.000 человек взнуздывают стихию. В Москве инженер Графтио, как щепка, носится по волнам бюрократической стихии, которую взнуздать бессильны даже Ленин, даже компартия.

В волховстройскую трагедию вмешалось новое действующее лицо – реорганизованная РКП и ЦКК. Собственно говоря, РКП десятки раз ревизовала волховские работы. Но нынешняя сочла, что до нее ничего не было. Ни ревизий, ни комиссий, ни Госплана, ни ЦЭС (Центральный электротехнический совет) – ничего. Так, мрак времен и хаос. И настоящая история начнется только с такого-то числа мартабря, когда тысяча первая комиссия РКИ выедет на ревизию. Выехали. Работали. Надо сказать правду, работали усердно, добросовестно, стараясь вникнуть в каждую отрасль. Сидели на Волхове 67 дней (прежние больше недели не засиживались). Задали в письменной форме 1555 вопросов. Составление ответов потребовало 1500 рабочих человеко-дней. Представленные ответы весят около 3 пудов бумаги.

Выводы ревизоров были убийственны. Не говоря уже о множестве недостатков в работах и отчетности, ревизоры поставили два тревожных вопроса.

Первое: денег отпущено уже 50 процентов общей стоимости сооружения. А работ исполнено всего 25 процентов.

Второе: едва ли имеет смысл строить такую большую станцию (80.000 лошадиных сил) на этой плохонькой речонке. Пожалуй, воды не хватит в ней для станции.

К немалому удивлению ревизоров, при обсуждении их доклада в заседании президиума ЦКК и коллегии РКИ выводы их не только не были утверждены, но даже не встретили ни в ком поддержки и сочувствия. Наоборот, резче всех оценил ошибочный подход ревизии к делу народный комиссар РКИ тов. Куйбышев.

Это – новый факт в истории РКИ. Выступление главы ведомства против подчиненных ему ревизоров в присутствии ревизуемых, открытое осуждение не только работы спецов, но и приставленного к ним коммуниста за неправильную, недостаточно объективную постановку самой ревизионной задачи – это должно подействовать освежающе на всех работников РКИ.

В самом деле, представим себе, что людей послали бы отревизовать работу губземотдела. А они попутно возбудили бы вопрос: действительно ли земля имеет форму шара. Ясно, что это не их ума дело. Кто-то другой исследовал

этот вопрос. Их дело рассмотреть, хорошо ли на одном клочке земного шара ведется земработа. Так и с Волховом. После того как весь цвет российской электротехники одобрил сооружение станции, после того как пять лет на глазах всего мира идет постройка, после экспертизы крупнейших иностранных строителей, вдруг в 1923-м году двум – трем молодым людям из РКИ поставить под сомнение самый проект станции – претензия непомерная.

Довольно страшно представился и второй вопрос. Да, денег отпущено около 50 проц. общей стоимости сооружения. А что сделано за эти деньги? Сложите стоимость исполненных работ со стоимостью заготовленных материалов.

Получится почти сумма отпущенных за все это время средств. У ревизоров же стоимость заготовленных материалов как-то выпала, и получилось, что деньги потрачены, а работ по этим деньгам исполнено мало.

Но самый главный вопрос заключался все же в решении будущих судебных строительства. В какой срок закончить постройку и сколько средств затратить в этом году. И здесь ЦКК разошлась с заключением ревизоров. Президиум ЦКК совместно с коллегией РКИ высказались единогласно за вариант № 1, т.е. за окончание работ и подачу тока в 1925 году. Все прочие варианты удорожали общую стоимость станции, отсрочивали окончание работ до 1926 года и даже 1927 года, обрекая Петроград на пережог иностранного угля и другие неприятности.

Между прочим, именно этот проект выдвигало само управление строительством, как наиболее экономный.

Тов. Куйбышев правильно отметил, защищая этот вариант, что Волховстрой приобрел помимо хозяйственного значения еще и гигантское политическое значение. Всякое поражение на волховском участке фронта может тяжело отозваться и в Европе, и в Советском Союзе, как среди рабочих, так и среди технических и научных работников.

Ведь лучше всяких фраз и резолюций Волховская станция скажет всему миру: вот результат действительного союза науки и труда. Вот первый внушительный камень для здания обновленной светлой (ибо электрифицированной) России. Я был бы рад, если бы в лице ЦКК Волховстрой приобрел мощного заступника и друга, особенно на то время, пока Ильич еще не у руля. Сама ЦКК – детище Ильича, и Волховской, как всем нам известно, был его любимым предприятием. Может быть, ЦКК уменьшит трудности и препоны на пути Волховстроя. Только уменьшит, ибо совсем уничтожить их никто не может.

В заключение я хочу привести один из примеров травли против Волховстроя. Еще в Совнарком я слышал брошенную товарищами из Наркомфина фразу, что Волховстрой, пользуясь покровительством свыше, переплачивает нам всем большие деньги.

Через несколько дней в «Трудовой Копейке» какой-то С. Григорьев написал, что Волховстрой платит за цемент ровно вдвое дороже, чем ГУГС (Главное управление государственными сооружениями), и в доказательство приводил какие-то цифры.

По моему совету, главный инженер строительства тов. Графтио запросил ГУГС: где это ему удастся столь удачно и дешево покупать цемент?

ГУГС ответил, что он понятия не имеет о цифрах, приведенных С.

Григорьевым, что, по-видимому, «сведения эти касаются заготовок истекшего операционного периода 1922–1923 года. Что же касается крупных заказов текущего операционного периода (1923–1924 гг.), то к ним еще не приступлено».

И даже приводятся средние сметные цены, вполне совпадающие с ценами Волховстроя.

Отсюда следует, что шустрый «копеечный» публицист сравнивает прошлогодние цены ГУГСа с нынешними ценами Волховстроя, чтобы обвинить последний в мотовстве.

Не следовало бы в советской печати поощрять нравы прежних «копеек».

Правда. 1923. 8 декабря